

БЫВШИЕ

Северный Напа для Снежинки

ИННА
Вронская

Инна Вронская

**Бывшие. Неверный
Папа для Снежинки**

«Автор»

2026

Вронская И.

Бывшие. Неверный Папа для Снежинки / И. Вронская —
«Автор», 2026

Я замираю на пороге. И мир переворачивается с ног на голову. Мой белый рояль. Его подарок, символ моей первой чистой любви. На его глянцевой, безупречной поверхности лежит женщина. Ее спина, смуглая и гладкая, обнажена, черное шелковое платье струится с крышки рояля на пол, а рядом непринужденно прислонившись к инструменту, стоит Максим. — Максим, милый, кто это? — ее голос сладок и ядовит. — Твоя новая уборщица? Пришла как раз вовремя. — Уборщица? — переспрашивает он, и в его бархатном голосе звучит легкая, насмешливая нотка. — Да. Это Алина. Помнишь, я рассказывал о той студентке-пианистке? Которая развлекала гостей на детских праздниках. Снегурочка, кажется. Сейчас она уберется здесь и смоем все следы нашей страстной ночи. Он изменил, выбросил, еще и заплатил за мою невинность свои грязные деньги. Я убежала, еще не зная, что жду от него ребенка. Но проходит три года и встреча с ним неминуема. И он беспрекословно хочет получить свою дочь обратно.

© Вронская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Бывшие. Неверный Папа для Снежинки

Глава 1

Я бегу. Ноги сами несут меня по заснеженному тротуару, обгоняя прохожих, завернувшихся в праздничные шарфы. Мое дыхание превращается в облачко пара, но внутри меня горит целое лето. Самый жаркий и прекрасный день в моей жизни.

Я крепко прижимаю к груди бархатный пакет. В нем — мой потерянный, немодный костюм Снегурочки. Но для меня он дороже любого дизайнерского платья. Он — начало моей сказки. Полгода назад, на детском празднике его крестницы, я, растерянная студентка в этом блестящем наряде, поймала его взгляд. Он был выше всех, спокойный и могучий, как скала среди суеты. И его глаза, темные и пронизательные, остановились на мне. Казалось, весь шумный зал замер, и остались только мы двое — принц и неуклюжая Снегурочка.

— Я не верю в Деда Мороза, — сказал он тогда, подойдя так близко, что я почувствовала исходящее от него тепло и запах дорогого парфюма с нотками кожи и дерева. — Но теперь я верю в Снегурочек. Особенно в тех, кто заставляет сердце биться чаще.

Его голос был низким, бархатным, он обволакивал, как теплый плед. Я покраснела, спрятавшись за своей детской ролью, но сердце выпрыгивало из груди. Он был настойчив и решителен, как полководец, берущий город. И я, наивная Алина, сдалась без боя. Доверилась. Позволила этой силе подхватить и унести меня в свой ослепительный мир.

Я останавливаюсь перед небоскребом из стекла и стали, задрав голову. На самой вершине, в золотистой точке, горит свет. Он ждет. Я так хочу крикнуть ему о своем счастье! Меня приняли! В Гнесинку, в консерваторию моей мечты! Стипендия! Я влетаю в вестибюль, где пахнет мрамором и дорогими духами, и ловлю на себе восхищенные взгляды охранников. Мне все равно. Сегодня я парю.

Лифт стремительно несет меня вверх. Я смотрю на свое отражение в зеркальных стенах. Я кажусь себе прозрачной, почти невесомой. Будто состою из света и воздуха. Мои светлые волосы выбились из небрежного пучка и обрамляют бледное от волнения лицо с огромными голубыми глазами. Глазами, в которых плещется сегодня все счастье мира. На мне простые джинсы и теплый свитер, но я чувствую себя королевой. У меня сегодня есть все: моя музыка, окрылившая меня, и его любовь, давшая мне уверенность. Я — целая. Я — счастливая.

Лифт открывается прямо в просторную, выдержанную в стиле лофт прихожую его пентхауса. Я сбрасываю сапожки, оставляю пакет на кожаной консоли. В доме тихо. Слишком тихо. Нет привычных звуков — ни джаза, что он любит ставить по вечерам, ни оживленного голоса по телефону. Воздух пахнет не его привычным кофе, а чем-то чужим — сладкими, тяжелыми духами и... вином. Тревога, тонкая, как лезвие бритвы, скользнула по спине. Я гоню ее прочь. Он приготовил сюрприз. Наверное, ужин при свечах, чтобы отпраздновать мой успех.

— Максим? Дорогой, я здесь! — зову я, и мой голос звучит звонко, по-детски радостно. — Ты не поверишь, что случилось! Со мной случилось чудо!

Я иду по коридору к гостиной. Дверь приоткрыта. И я слышу. Смех. Женский, визгливый, наглый смех. И его смех — низкий, грудной, но какой-то... другой. Не тот, что звучал, когда он слушал мою игру. Чужой.

Сердце начинает колотиться где-то в горле, гулко и неритмично. Я замираю на пороге.

И мир переворачивается с ног на голову.

Мой белый рояль. Мой подарок, символ нашей любви, нашей общей мечты. Тот, на который мы копили вместе, и который он все же купил сам, сказав: «Твоя музыка стоит дороже любого инструмента в мире». На его глянцевой, безупречной поверхности полулежит женщина. Она — воплощение роскоши и разврата. Ее спина, смуглая и гладкая, обнажена, черное

шелковое платье струится с крышки рояля на пол. Длинные, как воронье крыло, волосы рассыпаны по клавишам. А рядом, непринужденно прислонившись к инструменту, стоит ОН.

Максим. Он выглядит богоподобно и отталкивающе одновременно. В темных идеально сидящих брюках, в белой рубашке, расстегнутой почти до пояса, обнажающей мощную грудную клетку и рельеф пресса. Рукава закатаны, обнажая сильные, жилистые предплечья с дорогими часами. Он высок, невероятно статен, каждый мускул в его теле дышит силой и властью. Даже в этом непристойном положении он сохраняет устрашающее достоинство хищника. Его мужественное лицо с резкой линией скулы и сильным подбородком сейчас освещено усмешкой. В его карих, обычно таких теплых глазах — лед. Он держит в руке бокал с темно-рубиновым вином.

Он что-то шепчет женщине на ухо, и она закидывает голову, смеясь. И в этот момент он поднимает взгляд. Не на меня. На мое отражение в панорамном окне, за которым танцует снегопад. Он видит меня. Видит застывшую фигурку с широко распахнутыми глазами и полукрытым от шока ртом.

Женщина, почувствовав его напряжение, оборачивается. Ее лицо — безупречная маска светской львицы: высокие скулы, полные губы, холодные зеленые глаза. Она смотрит на меня, как на случайно забежавшую кошку.

— Максим, милый, кто это? — ее голос сладок и ядовит. — Твоя новая уборщица? Пришла как раз вовремя.

Он не спешит. Отпивает глоток вина, его взгляд все еще прикован к моему отражению. Потом медленно, нарочито медленно, ставит бокал прямо на крышку рояля, рядом с ее обнаженной кожей.

— Уборщица? — переспрашивает он, и в его бархатном голосе звучит легкая, насмешливая нотка. Он поворачивается ко мне, и теперь его могучая фигура полностью обращена в мою сторону. Он подавляет меня одним своим видом. — Да, Кристина. Это Алина. Помнишь, я рассказывал о той... студентке-музыкантке? Которая развлекала гостей на детских праздниках. Снегурочка, кажется.

Слово «развлекала» он произносит с таким презрительным оттенком, что мне хочется провалиться сквозь пол. Я вижу, как Кристина снисходительно улыбается, поглаживая его руку.

— Ах, та самая? — она смотрит на меня сверху вниз. — Боже, какая... трогательная. Прямо как фарфоровая куколка. Такая же хрупкая. Дунешь — рассыплется.

Они оба смеются. Их смех режет мне душу на мелкие кусочки. Я не могу пошевелиться. Не могу оторвать взгляд от него. От этого могучего, прекрасного мужчины, которого я так безумно любила. В его глазах нет ни капли того тепла, что согревало меня все эти месяцы. Только холодное любопытство и... скука.

— Она, кажется, сегодня сдавала какой-то важный экзамен, — продолжает Максим, обращаясь к Кристине, но не сводя с меня ледяного взгляда. — Мечтала попасть в какую-то консерваторию. Эти артистичные натуры, знаешь ли... Живут в своих фантазиях. Играют на рояле и думают, что это и есть жизнь.

Каждое слово — удар хлыста по моему самолюбию, по моей мечте. Он превращает все самое сокровенное, чем я с ним делилась, в жалкую глупость. Моя музыка, мои стремления — просто «артистичные бредни» для него.

— И что, — тянет Кристина, игриво щелкая ногтем по его запястью, — она прибежала к тебе за похвалой? За ласковым словечком? Как преданная собачонка?

Максим улыбается. Эта улыбка, от которой у меня раньше кружилась голова, сейчас обжигает, как кислотой.

— Похоже на то, — соглашается он. Его взгляд скользит по моему лицу, по моим вцепившимся в дверной косяк пальцам, по моей скромной одежде. Он видит все. И все это пре-

зирает. — Ну что, Алина? — говорит он громко, четко, чтобы я не пропустила ни звука. — Мы с Кристиной решили начать праздник пораньше. Хочешь присоединиться? Можешь, для начала, прибраться. Ты же это умеешь. — он кивает в сторону разбросанной одежды и пустых бутылок. — А потом, если захочешь остаться... можешь сыграть нам что-нибудь. Развеселишь. Ты же это умеешь лучше всего.

Последняя фраза добивает меня. Он не просто унижает. Он стирает все, что было между нами. Нашу музыку, наши ночи, наши разговоры — все превращается в дешевое развлечение, в услугу, которую он может затребовать, когда захочет. Я — не его любимая. Я — прислуга с музыкальным образованием. Девочка для развлечений, которую он подобрал из жалости и теперь выставляет на посмешище своей настоящей, роскошной женщине.

Я вижу, как Кристина смотрит на меня с плохо скрываемым злорадством. Вижу, как его сильная, красивая рука лежит на ее бедре — бесцеремонно, по-хозяйски. Это та самая рука, что нежно касалась моего лица.

Во мне что-то ломается. С громким, беззвучным треском. Ломается мое хрустальное, наивное сердце. Я не плачу. Слез нет. Есть только леденящая пустота.

Я отрываю взгляд от этой мерзкой картины. Разворачиваюсь. Мои ноги, словно деревянные, несут меня обратно в прихожую. Я натягиваю сапоги, хватаю бархатный пакет. Руки дрожат так, что я едва могу застегнуть молнию на куртке.

Выхожу в лифт. Дверь его квартиры закрывается за моей спиной. Не громко. С тихим, мягким щелчком. Именно этот щелчок звучит в моих ушах громче любого грома. Это звук, с которым захлопнулась дверь в мою прежнюю жизнь.

В лифте я смотрю на свое отражение. Бледное, словно восковое, лицо. Глаза, огромные и пустые, в которых больше нет ни огонька, ни надежды. Легкая, прозрачная Алина умерла. Там, на пороге, под насмешливый смех и звон хрусталя. Осталась только тень. Тень с разбитым хрустальным сердцем в бархатном пакете с костюмом Снегурочки

Глава 2

Вернуться в общежитие было все равно что войти в ледяную воду. Тишина коридора, обычно нарушаемая смехом или звуками репетиций, сегодня была гулкой и осуждающей. Я прошла к своей комнате, ощущая на спине невидимые взгляды из приоткрытых дверей. Замок щелкнул с негромким, одиноким звуком. Я бросила бархатный пакет в угол. Снегурочка, вывалившись на пол, похоронила в складках ткани последние ошметки веры в чудеса.

Боль пришла не сразу. Сначала был шок, оцепенение. Потом, когда я упала на кровать и уткнулась лицом в подушку, пахнущую домом и спокойствием, ее накрыло волной. Не рыдания, а тихие, беззвучные спазмы, выворачивающие душу наизнанку.

Я пролежала так до рассвета, не сомкнув глаз, наблюдая, как серый свет постепенно вытесняет тьму за окном. Потом подкатила тошнота. Резкая, горькая, пустая. Желудок, ничего не получавший со вчерашнего утра, судорожно сжался. Я едва успела добежать до общего туалета. Выворачивало над раковиной с такой силой, что слезы выступили на глазах сами собой. Тело бунтовало против предательства, против крушения всего мира.

Умывшись ледяной водой, я посмотрела в зеркало. На меня смотрела незнакомка: восковая кожа, синева под глазами, потрескавшиеся губы. Легкая, прозрачная Алина растворилась в московской ночи. Остался только этот призрак, которому все равно надо было идти. В Гнесинку. В ту самую мечту, которая еще вчера казалась сбывшейся. Мысль о людях, о звуках, о необходимости играть вызвала физический ужас. Но музыка была единственным, что осталось от меня настоящей. Последним щитом.

На парах я пыталась стать невидимкой. Села на последнюю парту, уткнулась в конспект, но шепот плыл за мной, как ядовитый туман.

— ...точно она. Снегурочка-стриптизерша.

— Говорят, на корпоративах у строителей вообще творила...

— И Королев, тот, что из «Крон-Строй», он ее просто выбросил. Нашел себе нормальную, из своего круга.

Каждое слово было уколом отравленной иглы. Я сжимала руки под столом, чтобы они не дрожали. Преподаватель по гармонии, всегда ставивший мне высшие баллы, сегодня слушал мой ответ с отсутствующим видом, а потом вздохнул: «Невыспалась, Алина? Соберитесь». В его голосе не было прежней заинтересованности. Был усталый холод. Я уже была для них не многообещающей пианисткой, а проблемой. Пятном.

После второй пары меня вызвали в деканат. Длинный, темный коридор казался дорогой на эшафот. Секретарь бросила на меня короткий, оценивающий взгляд: «Проходите. Ждут».

В кабинете царила тишина, нарушаемая только тиканьем напольных часов. Декан, профессор Морозов, человек с лицом мудрого старца, смотрел не на меня, а в окно. Его зам, Ирина Владимировна, поджав губы, изучала какую-то бумагу.

— Садитесь, — сухо сказала она.

Я села на краешек стула, спина была прямая, как струна.

— Алина Викторовна, — начала Ирина Владимировна, не глядя мне в глаза. — К нам поступили крайне неприятные сведения, компрометирующие вашу репутацию как студентки и будущего педагога. Речь идет о вашей... внеучебной деятельности. Далекой от принципов академической этики.

— Это ложь, — вырвалось у меня. Голос звучал тонко и слабо, как у обиженного ребенка. — Я работала только аниматором на детских праздниках. Никогда и нигде больше...

— Источник информации, — перебил ее декан, оборачиваясь, и в его усталых глазах я прочла не осуждение, а досаду, — весьма авторитетен. Связан с администрацией города.

Мы не можем игнорировать такие сигналы. Даже если они... голословны. Репутация учебного заведения — превыше всего.

В горле встал ком. Кристина. Ее отец. Они не просто отнимали мужчину. Они выжигали почву под ногами, уничтожали любое возможное будущее.

— В сложившихся обстоятельствах, — продолжила Ирина Владимировна, — ваше дальнейшее обучение в аспирантуре, на которое вы подавали документы, видится невозможным. Более того, мы вынуждены попросить вас забрать заявление. Добровольно. Во избежание официальных процедур отчисления, которые поставят крест на любой педагогической деятельности в будущем. Подумайте о своей карьере... в другом регионе.

Мир сузился до полированной поверхности стола. Они не просто отказывали. Они предлагали мне исчезнуть. Самоуничтожиться. Чтобы не марать священные стены. Годы труда, талант, признанные мастерами — все это оказалось ничем перед шепотом в коридорах, инспирированным из кабинетов власти.

Я молча кивнула. Поднялась. Ноги были ватными. Выйдя в коридор, я прислонилась к холодной стене, пытаясь перевести дыхание. Мечта, ради которой жила, умерла. Быстро и без шума. Как насекомое, раздавленное каблуком.

Собирала вещи в общежитии механически. Книги, ноты, простую одежду. Фотографию мамы, одинокой в далеком городке, положила на дно чемодана. Стыдно было до слез. Внезапный стук в дверь заставил вздрогнуть.

Курьер с огромным, безвкусным букетом белых лилий и конвертом. «Алине Викторовне».

Я закрыла дверь, держа в руках это абсурдное подношение. Сладкий, удушливый запах лилий ударил в голову. Я бросила цветы на пол. Конверт был тяжелым. Внутри — плотная пачка купюр и записка на дорогой, кремовой бумаге. Его почерк. Размашистый, уверенный.

«Малышка.

Прости, что так вышло. В этом нет твоей вины. Спасибо за твою музыку и за те ночи. Но жизнь идет дальше. Это — чтобы начать новую. Не вспоминай меня больше.

М.»

«Малышка». «Твоя вина». «Ночи». И эти деньги. Плата. Откуп. Финансовое подведение черты под нашей «историей». Он знал. Знал, что со мной сделают. И решил, что конверт с наличными — достойная точка. Он стирал меня, как досадную опisku.

Тошнота накатила с новой, сокрушительной силой. Я снова побежала в туалет. Выворачивало так, что сводило мышцы живота. Когда отпустило, я сидела на кафеле, обхватив колени, и тупо смотрела в стену. В голове гудело.

Я вернулась в комнату. Бросила конверт с деньгами в открытый чемодан поверх вещей. Закрыла его. Оделась. Вышла. Метель слепила глаза, но я почти не чувствовала холода. Внутри была вечная мерзлота.

Казанский вокзал встретил меня хаосом и равнодушием. Купила билет до Владимира — первое, что увидела на табло. Ехать дальше, в Суздаль, сил не было.

Я вышла на темный, продуваемый перрон. Электричка, старая и потрепанная, уже стояла. Подошла к краю платформы. Ветер выл, срывая с крыш клочья снега. Я достала конверт. Толстый, весомый. В нем — цена моего растоптанного достоинства.

Я разорвала его. Вынула пачку. Купюры, новенькие, пахли типографской краской. Я взглянула на них с таким омерзением, словно держала в руках что-то неживое и ядовитое. Потом, собрав всю силу, какая еще оставалась, швырнула деньги в лицо метели, в черную, ненавидящую меня московскую ночь.

— На! — прохрипела я, и ветер мгновенно унес мой крик. — Забери свою грязь!

Ветер с визгом подхватил бумажки. Они взметнулись в воздух, закружились в бешеном вальсе со снежинками, понеслись вдоль состава. На перроне поднялась суматоха, кто-то бросился ловить улетающее «счастье». Я не смотрела. Повернулась и зашла в вагон.

Вагон был полупустым, натопленным, пропахшим сыростью и дешевым чаем. Я закинула чемодан на третью полку, села у окна в пустое купе. Поезд тронулся. Огни Москвы поплыли за стеклом, растворяясь в белой пелене. Я закрыла глаза, пытаюсь заглушить грохот колес. Но внутри все равно было громче.

И снова подкатила тошнота. Резкая, неотвратимая. Я вскочила и, спотыкаясь, побежала по коридору к туалету. Заперлась. Снова и снова меня выворачивало над грязной раковиной. Тело сводила судорога, на лбу выступил холодный пот. Когда спазмы наконец отпустили, я, обессиленная, прислонилась к стене, глотая воздух.

И тут, сквозь туман отчаяния и физического недомогания, в сознании, забитом болью и обидой, медленно, как лезвие, проскользнула мысль. Тихая, ужасающая, невероятная.

Меня тошнило уже второй день подряд. С того самого утра после... Месячные. Когда они были в последний раз? Я попыталась вспомнить, перебирая в памяти лихорадочные недели подготовки к экзаменам, встречи с Максимом, новогоднюю суету. Сбилась со счета. Но понимала с леденящей ясностью: давно. Очень давно.

Я медленно подняла голову и посмотрела на свое отражение в мутном зеркале над раковиной. В широких, испуганных глазах призрака, которым я стала, мелькнуло не только отчаяние. Мелькнул первобытный, животный ужас. И вместе с ним — крошечная, едва уловимая искра чего-то другого.

Не принадлежавшего мне одной...

Глава 3

Прошло три года. Три года, которые разделили мою жизнь на «до» и «после». На «я» и «мы». Мы – это я и Снежанна. Моя Снежа. Мое солнце в пасмурном суздальском небе.

Она спит сейчас в соседней комнатке, в старенькой, но уютной кровати, которую мне подарили коллеги. Я сижу у окна в нашей маленькой квартирке на окраине Суздаля и смотрю, как зажигаются первые звезды. Они такие же, как в Москве. Но здесь они кажутся ближе. Или это я стала меньше. Не в размерах. В амбициях. В ожиданиях. Я теперь не Алина, подающая надежды пианистка. Я – Алина Викторовна, концертмейстер в Центре поддержки детей «Лучик». И мама.

Центр. Он стал моим спасением. Когда я, беременная, потерянная и оборванная, сошла с автобуса в Суздале, я не знала, куда идти. Помог случай. А точнее – звук расстроенного пианино, доносившийся из открытого окна старого двухэтажного дома. Я зашла внутрь. И попала в другой мир. Мир, где глаза детей светились не от дорогих игрушек, а от простого внимания. Где педагог с усталым, но добрым лицом пыталась разучить с хором глухонемых детей простую песенку, отбивая ритм по столу.

Я не сдержалась. Подошла к тому самому расстроенному роялю, попробовала несколько аккордов. И начала играть. Не Дебюсси. Простую, ясную мелодию. Дети замерли. А та женщина, директор центра Анна Петровна, смотрела на меня не с осуждением, а с таким живым интересом и сочувствием, что у меня комом подкатило к горлу.

– Играешь божественно, – просто сказала она, когда я закончила. – А выглядишь, как после войны. Останешься? Поможешь? Кров есть. Работа – концертмейстер. Платят мало, но искренне.

Я осталась. Музыка и дети стали моей тихой гаванью. Здесь никто не спрашивал о прошлом. Здесь ценили настоящее. Я играла для них, учила их слышать музыку кожей, сердцем, вибрацией пола. Родилась Снежа. Маленькое чудо с моими светлыми волосами и... его глазами. Теми самыми, карими, глубокими. Иногда, глядя в них, я вздрагивала от призрака боли. Но чаще – просто любила. Безумно и беззаветно. Она была моим смыслом. Моим искуплением. Моим живым упреком ему и его бессердечию.

Но наша тихая гавань дала трещину. Месяц назад пришла беда. Землю, на которой стоял центр, выкупила московская строительная компания. Какая-то «Крон-Строй». Они прислали сухие, казенные письма. Центр «мешает плановой застройке территории под многофункциональный жилой комплекс». Нам дали два месяца на «освобождение помещения». Для Анны Петровны и двадцати пяти наших детей это был приговор. Им некуда было идти.

Мы решились на отчаянный шаг. Устроить благотворительный концерт. Пригласить этих самых московских господ, показать им наших детей. Не как «помеху», а как живых, хрупких, талантливых душ, которым нужна эта хрупкая крыша над головой. Может быть, тронутся их каменные сердца? Я верила в это. Я должна была верить.

Я отдала подготовке всего себя. Мы с детьми разучивали программу, я подбирала такую музыку – прозрачную, трогательную, берущую за душу. Я хотела, чтобы каждый аккорд был мольбой. Чтобы каждый голос глухонемых детей, выводящих звук через вибрацию, стал громче любого крика.

Настал день концерта. В центре пахнет свежей краской, детским волнением и пирогами, которые испекли наши мамы-воспитательницы. Я помогаю детям наряжаться, поправляю банты, успокаиваю разволновавшегося Вову, который боится выходить на сцену. Снежу я оставила за кулисами с самой надежной няней – Анной Петровной. Моя девочка, в своем

синем платьице, уже ходит и лепечет что-то на своем детском языке. Ей почти два. Она – наше тайное, самое светлое сокровище.

– Алина Викторовна, они приехали, – шепчет мне вбежавшая девочка-подросток из хора. – На черных машинах. Мужчины в костюмах.

Мое сердце замирает. Сейчас все решится. Я отхожу в маленькую артистическую, чтобы переодеться. У меня есть одно платье. Простое, длинное, из белого шифона. Я купила его на последние деньги перед рождением Снежи. Надеваю его. Оно все еще впору. Смотрю в зеркало. Я не та худая, изможденная девушка, что приехала сюда два года назад. Во мне появилась сила. Материнская, выстраданная. Но в глазах, как мне кажется, все еще живет та самая ранимая глубина. Я собираю волосы в низкий пучок, почти не касаясь косметикой лица. Хочу быть чистой. Как ангел-защитник для этих детей.

В зале гаснет свет. Загораются софиты, направленные на сцену. Я выхожу из-за кулис. Вижу переполненный зал: наши родители, местные жители, журналисты. И в первом ряду – делегация. Трое мужчин в безупречных темных костюмах. Их позы непринужденны, лица – вежливо-отстраненные. Бумаги с планами застройки уже лежат в их дорогих кожаных портфелях. Они приехали не слушать. Они приехали поставить галочку. Проявить «социальную ответственность» перед тем, как снести этот дом.

И мой взгляд, скользнув по ним, вдруг натывается. На среднего из них. Того, кто сидит в центре. И мир вдруг переворачивается.

Он. Максим.

Он не изменился. Вернее, изменился, но стал еще... монументальнее. Дорогой темно-серый костюм идеально облегает его широкие плечи и мощный торс. Белая рубашка, галстук. Он сидит расслабленно, откинувшись на спинку стула, одна нога закинута на другую. Его профиль, резкий и мужественный, освещен лучом софита. Темные, густые волосы коротко подстрижены. Он слушает что-то шепчет своему соседу, и легкая, почти незаметная улыбка трогает его губы. Та самая улыбка, что когда-то заставляла мое сердце биться чаще. Сейчас оно замирает. От ужаса. От ярости. От ледящего холода, пробирающего до костей.

«Холд-Строй». Его компания. Это ОН хочет уничтожить наш последний приют. Это ОН приехал, чтобы холодно взглянуть на то, что будет стерто с лица земли.

Кровь отливает от лица. Руки становятся ледяными. Я едва могу дышать. Анна Петровна, стоящая за кулисами, смотрит на меня с тревогой. Я ловлю ее взгляд и делаю глубочайший вдох. Нет. Не сейчас. Ради детей. Ради Снежи. Я должна сыграть. Я должна выстоять.

Я сажусь за рояль. Старый, подаренный центру кем-то из меценатов, но чистый и хорошо настроенный. Клавиши под пальцами – единственная реальность. Я киваю дирижеру детского хора. Начинается.

Я играю. Вкладываю в музыку всю свою боль, всю свою любовь к этим детям, всю свою мольбу. Дети поют. Дети выводят звуки, положив ладошки на горло, глядя на меня широко открытыми, доверчивыми глазами. Это не идеально с технической точки зрения. Это – идеально с точки зрения души. Зал затихает. Даже московские гости перестают перешептываться. Я вижу, как один из них, помоложе, снимает очки и трет переносицу. Но не он. Максим. Он смотрит прямо на сцену. Его лицо – непроницаемая маска делового человека. Ни тени эмоции. Ни проблеска понимания.

Концерт подходит к концу. Последняя, самая тихая и пронзительная пьеса. Последний аккорд замирает в воздухе. Тишина. Глубокая, потрясенная тишина. Потом зал взрывается аплодисментами. Люди встают. Плачут. А я, обессиленная, опускаю руки с клавиш и поднимаю глаза.

И в этот момент происходит то, чего не ждал никто.

Из-за кулис, обгоняя расторопную Анну Петровну, выбегает маленькая, как комочек света, фигурка в синем платьице. Моя Снежа. Она смеется, ее кудри разлетаются. Она несется

по сцене с невероятной скоростью, прямо к краю, к первому ряду. Она тянет ручонку. И на весь зал, на своем детском, чистом лепете, звонко кричит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.